

Мультикультурализм: что дальше?

С тех пор как Европу стали накрывать волны иммигрантов (1950–е и 1960–е гг.), европейские правительства не раз заявляли, что ищут возможности стирания различий между людьми – выходцами из разных культур. Все страны имели одну и ту же цель: успешное, мирное общество, которое предоставляет своим гражданам равные возможности и равное уважение, несмотря на расу, убеждения, цвет кожи или веру. Прошло полвека, а такого общества все нет. Однако поликультурные общества остались, и вопрос заключается в том, как заставить их работать на благо Европы.

Впрочем, проблема миграции и иммигрантов отнюдь не является специфически европейской. Первопроходцем разработки новой политики и идеологии, получившей название «мультикультурализм», выступила Канада. В 1971 году в Канаде была провозглашена соответствующая правительственная политика. В ее основе лежала идея о том, что разные культуры могут не только сосуществовать, но и обогащать культуру страны. Задачей нового подхода была скорее интеграция различных этнических групп, чем их ассимиляция. Мультикультурализм как идеология противопоставлялся концепции «плавильного котла», провозглашенной в США, которая предполагала слияние всех культур в одну массовую культуру. Официальная политика страны не направлена на поддержание этнической идентичности, хотя и не препятствует ей.

В июле 1988 года Канада стала первой страной в мире, принявшей Акт о мультикультурализме. Согласно ему мультикультурализм – фундаментальная характеристика канадского общества. Целью такой политики является сохранение и развитие различных культур. Оттава потратила миллионы долларов на специальные программы по поддержанию языков и культуры иммигрантов. Правительство также спонсировало программы, помогающие этническим меньшинствам ориентироваться в таких вопросах, как права человека, свобода от расовой дискриминации, права и обязанности гражданина, иммиграция и культурное многообразие.

Мультикультурализм был включен в канадскую Хартию прав и свобод с тем, чтобы суды могли найти баланс между правами личности и поликультурного общества. Например, свобода самовыражения была ограничена запретом на расовые унижения или пропаганду ненависти.

Оттава планировала помочь иммигрантам сохранить свою этническую идентичность и, вместе с тем, преодолеть барьеры на пути к полной адаптации в канадском обществе. Организовывались специальные «группы поддержки», встречи-консультации (*counseling sessions*), свободное обучение одному из официальных языков, даже помощь в налаживании дружеских связей, – все это сглаживало взаимную адаптацию для тех, кто приезжает в Канаду, и тех, кто там уже живет.

Согласно социологическим опросам, в общем и целом канадцы поддерживают поликультурное общество. Иммигранты рассматриваются как ценный вклад, который помогает в деле строительства нации.

В ходе канадской переписи 2001 года были зафиксированы более 200 различных этнических групп. Доля людей с британскими, французскими и канадскими корнями впервые опустилась ниже половины всего населения (46%). Во времена Конфедерации в 1867 г. большинство канадцев были либо британцами (60%), либо французами (30%). К 1981 г. процент британцев и французов опустился до 40% и 27% соответственно. В 2001 году самыми большими группами канадского общества после канадцев, британцев и французов были немцы, итальянцы, китайцы, украинцы и североамериканские индейцы. Был зафиксирован рост количества иммигрантов из Азии.

Обозреватель газеты «Глоб энд мейл» Джон Иббитсон в октябре 2005 г. писал: «Канада моделирует первое в мире подлинно космополитическое общество. Заложив основы либеральной демократии, базирующейся на лучших британских и французских традициях государственности и права, страна импортировала миллионы иммигрантов, главным образом из восточной и южной Европы, стран юго-восточной Азии, Латинской Америки, Карибского бассейна, Африки... Результатом является, по меньшей мере, чудо. <...> Однако существует и другая, темная сторона правды: власти всех уровней не могут контролировать то, что происходит на улице. С каждым годом усиливается несоответствие между политической надстройкой и социальным базисом. Если мы не решим эту проблему, правительство испортит все дело».

Большинство иммигрантов первого поколения старались приспособиться к новой жизни и стать достойными жителями принявшей их страны. Странно, но социологи во втором поколении иммигрантов фиксируют противоположную тенденцию. Некоторые граждане Канады даже обращаются к идеологиям, имеющим зловещий подтекст, – среди рожденных в этой стране людей внезапно появились джихадисты, нацеленные на «священные» войны.

В недавнем прошлом иммигранты, которые селились в новой стране, как правило, оставляли свои конфликты на прежнем месте жительства. Ирландские католики и протестанты не убивали друг друга в Канаде, как они делали это у себя на родине. Однако многие добывали деньги для «борцов за свободу», оставшихся там. Подобная практика этнических сообществ заставила ряд европейских наций поставить под сомнение ценность политики мультикультурализма.

В ходе исследования, проведенного в Канаде в ноябре 2006 г., выяснилось, что поддержка обществом мультикультурализма сходит на нет в тех случаях, когда

культурные и религиозные практики иммигрантов угрожают равенству полов. Половина канадцев имеет позитивное впечатление от ислама, а 75% считает позитивным вклад мусульманских иммигрантов в Канаду. Из 37% канадцев, имеющих негативное впечатление от ислама, большинство упомянули «обращение с женщинами». Далее, по убывающей, людей беспокоят насилие, связанное с терроризмом, нетерпимость и экстремизм. 81% опрошенных полагают, что иммигранты должны приспособиться к канадским убеждениям относительно прав и роли женщин. Люди чувствуют, что правительственная политика поощряет разнообразие в ущерб единству. Концентрация усилий правительства на том, чтобы сделать приятное другим культурам, угрожает канадским ценностям.

Хотя в странах «третьего мира» потоки мигрантов и беженцев достигли таких размеров, что иммиграция в Европу кажется маленьким ручейком, идея мультикультурализма выдвигается, главным образом, в высокоразвитых обществах Европы. Предполагалось, что элементы культур иммигрантов будут включены в европейское культурное поле, и, таким образом, станет возможным взаимное проникновение, обогащение и развитие культур разных этнических групп.

Однако время показало, что вместо того, чтобы стать частью принявшего их общества, общины иммигрантов склонны развиваться как отдельные, изолированные сообщества. В результате в Европе появились не столько поликультурные общества, сколько общества с разными культурными группами, которые лишь сосуществуют вместе. В настоящее время, вследствие усиления напряженности в европейских странах, политика и идеология мультикультурализма широко обсуждается и даже ставится под сомнение.

Одной из причин подобного развития событий некоторые эксперты называют то обстоятельство, что европейские правительства не работают над интеграцией иммигрантов. Многие иммигранты не просто не желают изучать язык и культуру принявшей их страны, но нередко просто используют ее развитую социальную систему и либеральные ценности.

Каким в наши дни предстает один из районов Парижа? Женщины в хиджабах прогуливаются по улицам, болтая на арабском. Витрины книжного магазина для мусульман представляют собой огромные дисплеи, демонстрирующие записанные на DVD речи имамов. Внутри – книги с завлекательными названиями, что-то вроде «Научные чудеса в Коране». С одной стороны улицы – музыкальный магазинчик, торгующий записями только арабской музыки. С другой стороны – мясной магазин «халяль», где продается специальная пища для мусульман. Кто-то расклеил объявления, приглашающие на концерт марокканского музыканта Daoudi. Но это – не Марокко. И не

пригород, где живут многие выходцы из Северной Африки. Люди, живущие здесь, в Париже, сохраняют свои культурные пристрастия, не стараясь быть французами.

Европейский Союз пытается интегрировать свои национальные меньшинства в мейнстрим европейских ценностей в течение десятилетий. Франция, к примеру, при обсуждении культурного многообразия до сих пор настаивает на том, чтобы каждый житель страны подчинялся одним и тем же светским правилам. Страна реализует, при всей декларативной фразеологии, в целом ассимиляционную политику. Тогда как Британия поддерживает свои этнические меньшинства в том, чтобы сохранить их веру, языки и обычаи. Еще в 1966 году Рой Дженкинс, занимавший тогда пост министра внутренних дел в правительстве лейбористов, ратовал за мультикультурную модель иммиграции: «Не выравнивающий процесс ассимиляции, а равные возможности в сочетании с культурным многообразием в атмосфере взаимной терпимости». Последние тенденции – необычайно высокая иммиграция, начиная с 1988 г., и открытие отечественного исламского терроризма в 2005 г. – поставили под сомнение подобный подход.

Существуют драматические примеры провала политики мультикультурализма в Британии: повторяющиеся взрывы насилия между черными и белыми, между азиатскими мусульманами и европейцами, между черными и азиатскими мусульманами. Расовые столкновения рассматриваются властями как знак культурного отчуждения. В официальном правительственном докладе по поводу трехдневной битвы, произошедшей в 2001 г. между азиатскими мусульманами и белыми жителями Олдена (графство Большой Манчестер), городские власти порицались за «полную сегрегацию жизни этих двух сообществ». Кажется, «они не соприкасались ни в одной точке». В Лондоне и в Лестере (административный центр граф. Лестершир) есть школы, в которых практически нет детей с белым цветом кожи.

Бомбы, взорванные в Лондоне 7 июля 2005 г., шокировали нацию не только потому, что погибли 56 человек, но и потому, что среди них были тела четверых смертников-террористов, которые выросли в Британии и принадлежали к этническим меньшинствам. А видеопослание, оставленное их лидером, было произнесено с резким йоркширским акцентом.

Опросы в Великобритании выявляют необычно высокую долю британских мусульман, идентифицирующих себя, прежде всего, как мусульман, а уж потом как британцев. Причем молодежь более склонна делать подобные заявления, чем их родители.

В Британии ширятся и усиливаются озабоченные дебаты по поводу расы, религии и идентичности. Многие британцы задаются вопросом, нашло ли правительство

правильный баланс между поддержанием культурного многообразия и сохранением национальной идентичности. Все же для того, чтобы этнические меньшинства и большинство населения могли объединиться, в общественном сознании должна присутствовать ясная идея о том, что значит быть британцем. А эта ясность как раз отсутствует. По мнению Гордона Брауна (ставшего премьер-министром страны летом 2007 г.), национальная идентичность заключается в таких ценностях, как вежливость, терпимость, честность и власть закона.

Европа изо всех сил пытается понять, что значит быть европейцем, что является действительно европейским, а что – нет. К чему следует просто привыкнуть, а что – решительно запретить. Многих еврограждан не покидает ощущение отчужденности и разочарованности.

После террористических взрывов бывший тогда премьер-министром Великобритании Тони Блэр заявил, что проживание в стране влечет за собой обязанность разделять и поддерживать те ценности, которые составляют британский образ жизни. В августе 2005 года Блэр объявил об учреждении комиссии, которая должна будет определить, движется ли культурная интеграция в правильном направлении. Блэр пояснил, что есть люди, которые живут в Великобритании двадцать и больше лет, и все еще не говорят по-английски, и это его беспокоит. Правительство считает, что потенциальные британцы должны сдать «тест на гражданство». Они должны продемонстрировать некоторое знание национальной истории, обычаев и законов страны, понимание составляющих государственного устройства.

Голландцы, которые традиционно одна из самых толерантных наций в мире, также приняли меры по усилению интеграции иммигрантов. После убийства Тео ван Гауга (*Theo van Gough*) – режиссера, который сделал фильм о плохом обращении с мусульманскими женщинами, правительство Нидерландов ужесточило иммиграционные правила. Многие иммигранты должны теперь сдать обязательный «тест на интеграцию», показав знание нидерландского языка и культуры. Город Роттердам принял новую «норму поведения», согласно которой в общественных местах следует говорить на государственном языке. Ношение бурки¹ было запрещено для всех граждан государства. В одной из земель Германии мусульманам, обращающимся за получением гражданства, было объявлено, что они должны выдержать двухчасовой устный экзамен, на котором оценивается их отношение к западному образу жизни. В других землях от иммигрантов требуется пока лишь окончание курсов немецкого языка.

¹*Burqa* – в некоторых мусульманских этнических группах одежда женщин, полностью закрывающая тело

Три года назад специалист по Ближнему Востоку из Принстонского университета Бернард Льюис (*Bernard Lewis*) заявил, что в результате иммиграции и низкой рождаемости среди европейцев население Западной Европы к концу века будет преимущественно мусульманским. И он не одинок в своих расчетах. Страх перед «Еврабией» со столицей Лондонстан, населенной бедными, раздражительными, горячими мусульманами, приобретает реальную основу. Исламисты «намереваются подчинить и колонизировать Европу», – утверждает американский эссеист Брюс Бауэр (*Bruce Bawer*). Европейцы беспокоятся, что мусульманское население может стать более изолированным и нелояльным, а взрывы в Лондоне, погромы во Франции и волна протестов против публикации датской газетой карикатур на пророка Мухаммеда – это лишь первое знакомство с тем будущим, которое вскоре наступит. Показательно, что на вопрос – восхищаются ли они организациями типа «Аль-Каиды», готовыми бороться с Западом, – 13% британских мусульман в возрасте от 16 до 24 лет дали положительный ответ.

В настоящее время мусульмане составляют около 3% населения Европейского Союза, и это число достигнет не более 10% к 2025 году. Однако боязнь, что радикальный ислам сметет Старый Свет, является симптомом чего-то большего, а именно – кризиса европейской идентичности. Благодаря, в частности, иммиграции, относительно высокой рождаемости у мусульман и увеличивающемуся количеству смешанных браков, Европа становится все более разнородной. Когда-то гомогенные общества являются сейчас беспорядочной смесью культур. С неизбежностью некоторые из них приходят к столкновению.

С тех пор как Франция в 2004 г. запретила явные религиозные символы в государственных школах, женщины, носящие хиджаб, стали в Европе предметом ожесточенных дебатов. Гражданки Великобритании имеют право носить то, что они хотят, где бы то ни было. В нескольких немецких землях учителям-мусульманам было запрещено носить в классах хиджаб. В некоторых провинциях Бельгии государственные служащие не имеют права носить на работе шарфы, покрывающие голову. Голландское правительство планирует запретить ношение никаба² и бурки в общественных местах.

Хотя приверженцы ислама не самая большая часть поликультурных обществ, но в настоящее время заявляют о себе больше всех. Дебаты по поводу хиджаба перегружены эмоциями. Франция отстаивает свой запрет, введенный в школах, как необходимый элемент государственного секуляризма, обращая внимание своих граждан на то, что запрет касается и религиозных символов других религий. Биргит Сауер (*Birgit Sauer*), политолог Венского университета, отмечает, что синхронность принятия в Европе новых

² Никаб (*niqab*) – одеяние, полностью закрывающее фигуру и оставляющую открытыми только глаза.

законов, касающихся одежды, показывает, что Европейский Союз пока не готов принять ислам в качестве элемента своей идентичности.

Однако на ситуацию можно посмотреть и с другой стороны. В мире насчитывается свыше пяти тысяч этнокультурных сообществ. Технический прогресс, низкая стоимость авиабилетов и глобальная экономика рассеивают их по всей планете, в бесчисленных комбинациях.

Европа «сжеживается», женщины во всех странах Европейского Союза не рожают достаточного количества детей для поддержания неизменного уровня населения. Европа, кроме того, стареет. К 2050 году свыше 30% европейцев будут 65-летними или даже старше. Молодых европейцев, которые могут заменить их с точки зрения квалификации и создавать валовой общественный продукт, явно недостаточно. Если Европейский Союз действительно хочет стать самой конкурентной и динамичной экономикой в мире – «экономикой, основанной на знаниях» – к 2010 г. он будет нуждаться в более квалифицированных специалистах, чем могут выпускать европейские университеты. Европе нужны не вообще иммигранты, а образованные и квалифицированные.

По мнению некоторых экспертов, Европе следует обратить внимание на опыт Канады. Канада весьма разборчива в вопросе о том, кого она принимает в первую очередь. Иммигранты отбираются при помощи системы, которая присуждает каждому претенденту серию очков, исходя из таких факторов, как возраст, квалификация, знание английского языка и опыт работы. «Цель отбора – молодые, образованные мигранты. Отбор основан на привлечении человеческого капитала», – поясняет Рэндал Хансен (*Randall Hansen*), эксперт по иммиграции и гражданству Университета Торонто.

Президент Франции Николя Саркози, в бытность министром внутренних дел, высказывался о необходимости перейти к подобной системе отбора иммигрантов. Великобритания уже испытывает собственную версию, которая нацелена на отбор как квалифицированной рабочей силы, так и неквалифицированной, чтобы заполнить существующие пробелы в трудовых ресурсах.

В общем и целом Европа сопротивляется такому подходу, беспокоясь, что это будет поощрять нелегальную иммиграцию. (Такой проблемы у Канады нет, поскольку она соседствует с богатейшей страной мира.) А в странах Европейского Союза уже находятся 11–13 млн. нелегальных иммигрантов. Если Евросоюз сможет усовершенствовать свою политику относительно иммиграции, тогда, возможно, и европейцы изменят к ней отношение в лучшую сторону.

Список литературы

1. An Identity of Many //Canada & the World Backgrounder. – 2006. – Vol. 72. – P. 22–25.
2. A house with many mansions // The Economist. –2007. – Vol. 382, Special Section. – P. 11–14.
3. The many faces of Europe // Time South Pacific (Australia/New Zealand edition). – 2007. – 26 Feb. – P. 16 –23.

А. Галеева